

Глава 5. Тяжкая доля Добби

Любая скука рано или поздно подходит к концу. За три месяца новой жизни Добби путём бесконечных попыток и жестокой борьбы наконец-то сумел подчинить себе непослушное тело.

И в этом не было ничего удивительного. В конце концов, его душа не принадлежала настоящему Добби. Душа и плоть — как ключ и замок: даже если подобрать похожий по весу корнеплод, не факт, что он влезет в чужую лунку. С душами то же самое — каждой положена своя, уникальная оболочка. Легко ли захватить чужое тело после переселения? Даже если прежний владелец мёртв, пришельцу чертовски трудно прижиться в чужой плоти.

Строго говоря, Добби был грабителем — наглым мерзавцем, прибравшим к рукам чужую жизнь. Именно поэтому полный контроль давался с таким трудом. И хотя поначалу ему удавалось худо-бедно двигаться, рабская покорность, намертво въевшаяся в кости этого существа, постоянно брала своё. Из-за этого проклятого лакейского инстинкта ему и пришлось столько возиться, переламывая саму суть нового тела.

Конечно, Создатель ко всем справедлив, но врождённые человеческие качества не сравнятся с возможностями недоразвитого получеловека. К тому же эльфийское тело было совсем крошечным, а прежняя душа давно рассеялась. Если бы не рабская природа, всё прошло бы гораздо проще.

Но теперь, даже подчинив себе плоть, Добби то и дело впадал в уныние. Стоило любимому юному хозяину заговорить с ним, как на душу наваливалась тоска. За три месяца совместного житья он прекрасно понял: этот мелкий карапуз вовсе не такой невинный ангелочек, каким кажется.

Трудно сказать, что здесь сыграло роль — воспитание, многовековая порода или дурная наследственность, но этот паршивец оказался сообразительным не по годам. Ему даром не сдался личный домашний эльф. Все эти три месяца мальчишка при каждом удобном случае пытался — намеренно или невзначай — подвести Добби под монастырь, а то и вовсе извести.

Глядя на то, каким жестоким растёт этот клоп, поневоле задумаешься: правы люди, когда говорят, что у аристократов не бывает детства. Такой сопляк, а уже мастерски использует любые средства для достижения своих целей. Просто образцовый мерзавец — хоть стой, хоть аплодируй.

Добби всей душой хотел объясниться с ним. Если мелкий им недоволен, он обеими руками проголосует за расторжение контракта личного домашнего эльфа и без ропота примет любые последствия. Лишь бы больше не видеть эту ангельскую, приторно-милую мордашку. Он ведь не прежний Добби, со вкусом у него всё в порядке. Каково ему, человеку с нормальным эстетическим восприятием, расхаживать в драной наволочке и круглосуточно ублажать капризы этого несносного барчука?

Ради того, чтобы оказаться как можно дальше от этого избалованного создания, он пошёл бы

на всё. Увы, при встрече с юным Малфоем у него изо рта не вылетало ни звука, а самого его начинало колотить крупной дрожью — разумеется, от «благоговейного трепета». Этот дурацкий рефлекс срабатывал каждый раз, хотя Добби уже превосходно управлялся с эльфийской магией.

Из-за этого Бета пилила его с утра до вечера. К тому же время от времени у Добби случались приступы покорности, и он принимался самозабвенно биться головой о стены. Единственным плюсом за всё время стало то, что магия теперь помогала ему наводить блеск в комнатах за считанные секунды. Ну и во время очередного сеанса самобичевания он научился мысленно огрызаться. Правда, после этого голова трещала ещё сильнее. Оставалось только гадать, как его двухсотлетний прадед ухитрился дожить до таких сединок и не растерять остатки мозгов при постоянных ударах об косяки. Настоящее чудо природы.

Детский, шепелявый голосок прервал его унылые размышления.

— Дуби-и-и!

Добби сокрушённо вздохнул. Ему безумно хотелось сказать юному наследнику: «Слышь, недоросль, если говорить не умеешь — лучше помолчи». Этот свистящий шёпот и коверканье имени раздражали до зубовного скрежета. Но проучить наглого мальчишку силёнок не хватало, поэтому, нацепив унылую мину, эльф поплёлся выполнять свои ежедневные обязанности.

— Я хоцу цо-то прохладное...

— Ты что, суп из чулок сварить хочесь?!

— Тьфу, гадость! Как солено! Ты цто, всю соль из дома в тарелку высыпал?!

— Я хоцу клубничнй торт, а не резиновый!..

Вот так и проходили его будни. Маленький Малфой гонял его как сидорову козу. Раньше Добби за малейшее недовольство хозяина сразу расшибал себе лоб, теперь же научился сдерживаться — бился о стены только по прямому приказу. Тоже своего рода достижение.

Но, видит Мерлин, как же хотелось показать этому паршивцу средний палец! Это переходило

все границы. Да, Добби виртуозно освоил аппарацию в пределах поместья, но это не значит, что метаться туда-сюда было легко. Стоило ему опоздать хотя бы на десять секунд, как юный господин исторгал очередную порцию яда, а Добби послушно неся штурмовать ближайшую стену.

В сотый раз доставив мелкому заказанный горячий шоколад, Добби получил кружкой прямо в лоб. Горячая сладкая жижа потекла по лицу.

В душе эльфа вспыхнуло яростное, всежигающее пламя. Хватит!

Добби взревел, рванулся вперед и мёртвой хваткой вцепился в воротник расшитой рубашки Люциуса. Рывком подняв завопившего мальчишку в воздух, он зажал ему рот ладонью, уложил поперёк колен и от всей души, с оттяжкой влепил увесистую затрещину по мягкой, пухлой заднице.

Оказавшись в воздухе, Люциус мгновенно почуял неладное. Все эти три месяца он изощённо измывался над домашним эльфом лишь потому, что тот был его личным домашним эльфом, привязанным к нему с самого рождения. Подобная связь намертво блокирует любую попытку неповиновения, и маленький наследник чувствовал себя в абсолютной безопасности.

Но какими бы покорными ни казались домашние эльфы, в их жилах текла древняя магия. Люциус и Добби были ровесниками, однако силы их находились в совершенно разных весовых категориях. Волшебникам требовалось дорасти до одиннадцати лет, чтобы полностью принять наследие крови и обуздать внутреннюю силу. Магические же создания уже к первому году жизни обретали мощь, сопоставимую с силой взрослого мага. Разные виды — разные законы природы.

Любой разумный глава чистокровного семейства держал своих эльфов в ежовых рукавицах. Личный домашний эльф для аристократа — это, по сути, вторая жизнь, верный щит и оружие. Обычного слугу выбирали тщательно, заново скрепляя узы, но у Люциуса контракт образовался в миг его первого вздоха. Такая связь считалась нерушимой и гарантировала абсолютную верность.

Вот только это был Дом Малфоев, славящийся своей тягой к прекрасному. Едва научившись говорить, Люциус уставился на тощее сутулое существо, едва достигавшее половины роста обычного домашнего эльфа, и не почувствовал ничего, кроме глубочайшего отвращения. Малфои всегда ценили совершенство — этот пунктик граничил у них с безумием. Они могли признавать силу врага, но если тот был уродлив, его ни за что не оставили бы на виду. С другой стороны, красивого, но бестолкового слугу держали при себе чисто ради эстетики, никогда не доверяя важных дел.

Добби обладал колоссальным магическим потенциалом, но именно из-за этой чрезмерной мощи его тело деформировалось. Среди своих сородичей он выглядел настоящим пугалом — грязным, сморщенным недоразумением, похожим на полудохлую летучую мышь. И вот ЭТО должно было стать домашним эльфом будущего хозяина великого дома?

Для юного Люциуса это стало жестоким ударом по самолюбию. Он прекрасно знал ценность врождённого личного домашнего эльфа, но эстетическое чувство протестовало настолько сильно, что он твёрдо решил избавиться от уродца и заключить новый контракт с кем-нибудь посимпатичнее.

Но он даже в самом страшном сне не мог представить, что этот мерзкий врождённый личный домашний эльф посмеет отшлёпать своего господина!

Сухая, мозолистая ладонь намертво зажала ему рот. Люциус в ужасе широко раскрыл серо-голубые глаза, в них плескалась дикая смесь паники, обиды, недоумения и злости.

Когда Добби в пятнадцатый раз опустил тяжёлую ладонь на его многострадальную задницу, юный аристократ не чувствовал ничего, кроме kloчущей, чистойшей ярости.

«Проклятая тварь! — орал он мысленно. — Я уничтожу тебя! Ты у меня кровью умоешься!..»

<http://bllate.org/book/18185/1751866>